

НА МОСКОВСКОЙ СЦЕНЕ

Гастроли французской драматической труппы Мари Белль

В ФИЛИАЛЕ Московского художественного театра шла трагедия Расина «Федра» в исполнении французских артистов драматической труппы Мари Белль. Традиционный стук молотка за кулисами и музыкальное предисловие сразу привлекли внимание московских зрителей, а в ходе спектакля возникала и крепла между сценой и театральным залом чудесная связь взаимопонимания. Этому содействовало и то, что классическая драматургия обладает возможностью новых рождений, не считаясь «с завистливой далью веков».

Но только живое чувство современности у артиста в союзе с могуществом его сценического творчества дарует жизнь классическому произведению далекого прошлого. Есть основания для того, чтобы в большой степени признать живым спектакль «Федра». Он казался со сцены москвичам внятно, хотя произносился на французском языке. Внутренний мир действующих лиц трагедии выявлялся интонациями актеров, звуками их голосов, расшифровывался выражением их глаз, ритмами движений, отточенностью, красотой и логикой мизансцен.

Искусство человеческое и прогрессивное — интернационально.

Для гастролей в Советском Союзе труппа французских актеров избрала самый трудный вид драматургии — высокую трагедию. Это смело. И рискованно. Если драма терпит подмену истины страстей правдоподобием чувствований, то этого напрасно ждать от трагедии — она неумолима в своей высокой требовательности.

Мари Белль создает свою Федру в согласии со взглядами Расина на центральный образ его трагедии, высказанный им в предисловии: «...Федра — ни вполне виновата, ни вполне невинна: она вовлечена своей судьбой и гневом богов в незаконную страсть, которая ее же первую приводит в ужас; она прилагает все силы, чтобы ее превозмочь; она предпочла бы умереть, чем открыть ее кому бы то ни было».

То человечно и торжественно изможденное лицо Федры — Мари Белль — 3 минуты, когда страсть к Ипполиту перестает терзать ее разум, то при встрече с сыном мужа искажается оно судорогами неутоленной страсти Хрипит голос. Слова как бы извергаются из

нее и мчатся, мчатся без оглядки к исполнению того, чего Федра жаждет и страшится. Чередуются в ней одной преступница и страдалница...

ЧУДЕСНО одеты актеры, в особенности актрисы. Складки античных туник удивительно красивы, строги. Они требуют целомудренности и глубины выражения чувств.

Молодая актриса Клер Версан несколько упрощает свою любовь к Ипполиту и почти прозаически выслушивает его признание. А ведь по словам Терамена, Ариция при виде мертвого Ипполита «...хладной, бледной став, почти что полумертвой, у ног любимого упала распростертой». Молодой актер Юбер Ноэль привлекательней, когда сдерживает порывы чувств своего героя, нежели когда выплескивает их, нарушая величавость Ипполита. Анриетта Барро в образе Эноны не теряет ни сердечной простоты, ни трагедийной тональности: ее материнская преданность Федре трогает. Отторгнутая Федрой, Энона — Анриетты Барро вызывает к себе сострадание. Жан Шеврие привлекает интенсивностью внутренней жизни Терамена при скульптурной выразительности фигуры и сдержанности ее движений. Мало слов у Кристин Фабрег — Исмены, но это не лишает ее сценического красноречия.

То же можно сказать и о Робере Легран в немногословной роли слуги. Он так почтителен к Федре-царице, так бережен к Федре-страдалнице, что закономерно решенные режиссера доверить умершую Федру честным рукам молчаливого слуги.

На любом языке легко расшифровываются чувства мыслей, но нужно хорошо знать язык, чтобы понять самую мысль как таковую.

Тем не менее московские зрители силой интуиции разобрались в самых сложных психологических вопросах. Верится, что это могут подтвердить и актеры-французы: когда в конце спектакля задвинулся и вновь раздвинулся занавес со знаменитой чайкой в полете, москвичи, взволнованные бессмертным творением Расина, талантливым и своеобразным сценическим воплощением его, устремились к сцене, приветствуя исполнителей.

Искренность нельзя спутать с любезностью, нельзя не поверить признанию, когда оно выражено так от души.

Французские актеры восприняли успех у москвичей как признание работы всего коллектива исполнителей, включая Раймона Жерома — постановщика, Пьера Шеффера — композитора, Жака Дюпона — художника.

Они заслужили эту награду своим трудом, умением, своим творчеством.

Серафима БИРМАН,
народная артистка РСФСР.

ИЗВЕСТИЯ
МОСКВА
6 ИЮН 1961